ВЕТЕР ДУЛ
И ЛИСТЬЯ ПАДАЛИ

“”

Андрей Капров

Рассказ был написан в 2007. Отредактирован в 2026.

© 2026 All Rights Reserved.

Andrey Kaprov.

www.andreykaprov.com

❖ ❖ ❖

Пролог

❖ ❖ ❖

..... Осень входила неслышно — как входят в чужой дом, стараясь не скрипнуть половицей. Листья ещё держались, но уже знали, что пора. В воздухе стоял тот особый запах — прелой земли, мокрой коры и чего-то сладкого, почти неуловимого, что бывает только в октябре, только под вечер, только когда никуда не спешишь.

Сегодня он задумывался о тех же вещах, о которых думал ещё в детстве. Только всё представлялось ему в иной форме, но с тем же посылом.

С одной стороны, он был рад этой неизменности, с другой — немного удивлён.

Одно оставалось прежним — чувство гнетущего ожидания. И именно оно заставляло всё происходящее вокруг казаться странным и даже нелепым. Он чувствовал, что не жил жизнь, а находился в её ожидании.

Но всё идёт своим чередом, по дороге, у которой нет определённых черт или характера. Её нельзя назвать белой или чёрной, прямой или извилистой, доброй или злой, правильной или неправильной.

Он знал, чувствовал и доверялся дороге всем телом, душой и духом...

❧

…

«.... Я впервые понял, чего боялся, и почему. Это был страх за прошлое. Я боялся потерять иллюзию, прожитое, нажитое, наигранное. Теперь я понял: нужно просто идти дальше и принимать от жизни всё новое как оно есть»

Записав очередные мысли в чёрный «некаждодневник», он облокотился кулаком о подбородок — совсем как «Мыслитель» Огюста Родена — и застыл, глядя в никуда.

— Митя, ты идёшь есть?!

Взволнованный и уже строгий — хотя он никак не мог быть по-настоящему строгим, скорее взывающий к совести — голос мамы пролетел из кухни в комнату, где сидел он, Митя.

«Н-да, почему “Митя”? Почему не “Веня”, не “Ваня”?» — только имена на первую букву «В» приходили на ум.

«Видимо, родители никак не могли решить, каким именем наградить сына, и назвали Митей. Хотя «Дима», по ему непонятным причинам, обладает той же двойственной функцией. Поэтому мама называет меня Митей, а папа — Димой. Конечно, есть и другие имена этой странной группы: «Саша», «Шура»... »

— Митя, тебя так зовут…? Ты идёшь или нет?!

«И попробуй сказать «Нет» — желудок этого мне не простит.»

— Иду, иду! Всё, всё, всё — уже лечу! Мамуль!

И с задумчивым взглядом, с улыбкой на лице Митя в припрыжку побежал на кухню.

На столе было всё, что необходимо семнадцатилетнему человеку с приятной внешностью и добрыми намерениями — как считал он сам.

— Конечно, опять всё остыло! — выдохнув, произнесла мама.
— А что, ты уже поела?
— Естественно! — и после небольшой паузы добавила: — Но я выпью с тобой чай.

«Выпью чай» означало ровно столько же, сколько «Давай пообщаемся», а лучше — «Поговори со мной!»

Не то чтобы Митя был против — но он считал, что лучше ему говорить с самим собой или с дневником, что, в сущности, означало одно и то же. Только он сам понимал себя по-настоящему.

Чтобы сразу не вызывать раздражение, мама начала с простого, банального:

— Тебе джинсы укоротить или просто загнёшь?

Не спеша с ответом, Митя отламывал свежеиспечённый хлеб из новой, купленной папой в подарок на восьмое марта электрической хлебопекарни, намазывал подтаявшее масло и сверху покрывал искусственной красной икрой.

— Да.
Ответил Митя.
— Что да? Подшивать или нет?!

Этот вопрос и пролил лишнюю каплю в море Митиной чувствительности.
— Мам, да мне без разницы!

Бутерброд вмиг потерял все свои вкусовые качества и стал простой энергетической добавкой.

— Ладно, закончили… — сказала мама, допивая цейлонский чай с лимоном.
— Мамуль, — успокоившись, сказал Митя. — Делай как считаешь нужным.
— Но я делаю это для тебя! — произнесла она вслед выходящему из кухни сыну.

После обеда Митя развалился на кровати в своей комнате. Он прекрасно понимал: маме самой было необходимо ухаживать за ним. Не потому, что он её сын, и даже не потому, что он единственный, — а просто потому, что у неё было слишком много свободного времени и отсутствовал душевный контакт с Митиным отцом.

Ида Олеговна была домохозяйкой. Она умела заполнять тишину дома — прибирала, готовила, выгуливала собаку соседки, часто уезжавшей в командировки. Могла часами сидеть перед телевизором или слушать занимательную аудиокнигу. С её высшим музыкальным образованием, она считала, что патриотический долг перед родиной — и уж точно перед

родителями — выполнен. С детства она была ухоженной, рассудительной, и немного похожей на рыбу, которая плывёт по течению.

Одно только не давало ей покоя — отчество «Олеговна». Её ученики спотыкались на нём, как на кочке. Смеялись за глаза, выделяя букву «Г». К тому же отчество не подходило по гороскопу, который Ида вычитала в какой-то соцсети.

— Конечно, — думала она, — поменять имя можно, фамилию можно, ну а отчество?!

Разговоры с отцом, Олегом Акакиевичем, по поводу того, чтобы тот изменил своё имя, не увенчались успехом. То ли он был старой закалки — мол, назвали, значит, это мой крест! — то ли просто получал в тайне удовольствие от того, что дочь мается с отчеством так же, как он сам.

Но все разговоры когда-нибудь переходят в молчание. Олег Акакиевич, прожив, как он выражался: «В затяжку!», перенёсся в другой мир, достигнув девяноста одного земного года.

❖ ❖ ❖

Поезд на мосту

❖ ❖ ❖

Отлежав до покалывания правую руку, Митя привстал и посмотрел на часы. Наверное, впервые он заметил, как выполнил два действия одновременно. Он присел на угол небольшой кровати, поднял руки к лицу и провёл по нему, будто умываясь — или заканчивая молитву. После этого пробуждающего прикосновения он наконец встал и начал переодеваться.

Захватив гитару, стоящую около шкафа рядом с картиной, которую Митя не замечал, — она появилась без его ведома и никогда никаких эмоций в нём не пробуждала, — вышел из квартиры.

... Прощальные слова Мити не долетели до адресата. Сидя в наушниках, мама Мити не услышала, что сын ушёл на репетицию. Только позже, досмотрев очередную передачу, она вошла в комнату и обнаружила, что ни Мити, ни гитары уже нет. Аккуратно повесив брошенные шорты на стул, Ида Олеговна взяла новую книгу старого писателя и погрузилась в мир литературы.

Достав из кармана плеер и вставив в уши белые наушники, Митя переступил порог подъезда. Сегодня — впрочем, как и вчера вечером — в наушниках звучала группа «Ayo»: спокойные, невесомые мелодии, сыгранные на акустических инструментах. Митя сиял. Каждая струна, каждый удар по барабану вызывали неутолимую жажду вслушиваться в музыку. Нежный голос певицы возникал как соло инструмент. Необыкновенно свежая, глубокая, пронизанная туманом и запахом свежих цветов, лагуна… Так он ощущал эту музыку.

Тёплый воздух обволакивал открытые части тела. Этот немного пьянящий ветер не толкал в спину — он заманивал за собой, к истокам, к началу...

Бииб-Биииб!!!!!

Громкие звуки сломали всё созданное в Мите счастье. Машина чуть не сбила переходящего дорогу юношу. Молодой и неопытный водитель, спешащий на озеро, был очень взволнован: сбив прохожего, он рисковал опоздать на многообещающий отдых. И поэтому он решил посигналить, сделал резкое движение рулём влево и нажал на газ.

Удар был ужасающим. Машина, которую молодой водитель не заметил, ехала по левому ряду. Вместо того чтобы притормозить и посмотреть в зеркало как учили на уроках вождения, он развернулся вслепую, перегородив дорогу встречному потоку. Первые мысли неопытного водителя можно было прочитать прямо на его лице:

«Какого хрена! Ну теперь я точно опоздал! И друзья не дождутся, и озеро, испарится!»

Митя посмотрел на разбитые машины и испуганные и недовольные лица водителей — и продолжил свой путь.

В голове пролетали миллионы мыслей. О том, что никогда не стоит торопиться. О том, что этот случай непременно научит неопытного водителя. А ещё о том, что прекрасная музыка чуть не убила его.

Митя шёл спокойно, но не медленно. Его шаги совпадали с ритмом дороги. Ноги несли вперёд, *разноцветные ленты мыслей* тянулись за ним следом. Он представлял именно разноцветные ленты мыслей, которые выходили из его головы и развивались на ветру.

Асфальтированная дорога вела в небольшой туннель и дальше — наверх, на горку. Митя переступил порог из царства света в соседнее царство тьмы. В туннеле было действительно очень темно. Может быть просто не работало освещение, или это сырое и мрачное место и вправду было другим миром. Немного страшноватым. Зная, что неизвестность пугает, Митя не остановился, а продолжил движение, не ожидая ничего необычного.

Где-то на середине туннеля, где было совсем темно, он услышал приближающийся стук. Звук напоминал молоток, ударяющий по железу. Становился всё громче и громче. Митя ускорил шаг. Сделав ещё пару шагов, он разобрал, откуда приближается это уже ярко выраженное грохотание: звук стремился сверху вниз. Казалось, поезд проносится прямо над головой. «Нужно загадывать желание!» — с этой мыслью Митя рванул к выходу.

Выбежав из туннеля, он сразу же обернулся и посмотрел наверх. К его удивлению — никакого поезда не было. Не то что поезда — ни рельс, ни шпал. Только туннель, а над ним синее небо.

Немного растерянный Митя подумал: «Теперь наверное желание не сбудется».

Или, может, загаданное сбывается именно тогда, когда поезда вовсе нет.

❖ ❖ ❖

Пустая комната

❖ ❖ ❖

Постояв несколько секунд и раздумывая над тем, что делать дальше, Митя, на мгновение вопросительно приподнял брови и продолжил свой путь.

— Архитектура домов здесь поразительно необыкновенная! — рассказывал ему встретившийся как-то пожилой прохожий. — Эти головы на решётках напоминают мне древних богов! — с ухмылкой на лице и сжатым правым кулаком он немного раздражённо делился впечатлениями.

Митя не очень понимал, как чугунные головы могут напоминать древних богов. Во-первых — если это боги, какие же они «древние»? Боги же не стареют, они вне времени. Во-вторых, в Митином представлении Бог — это нечто естественное, живое, безликое и уж точно не отлитое в металл, как золотой телёнок. Митя прекрасно понимал: у каждого человека свои представления о мироздании — и ни в коем случае не стал навязывать свои *разноцветные ленты мыслей* собеседнику. Он ответил, что головы действительно сделаны интересно, но он не видит в них ничего божественного. Хотя Бог есть всё, значит и чугунные головы на решётках тоже.

Прохожий фыркнул и, сославшись на возраст и одежду Мити, сказал, что тот ничего не понимает и не ценит. Переходя улицу, он проворчал: «Вырастешь — поймёшь!»

Митя был не против.

«Почему бы и не понять — вот только вряд ли я вырасту: уж и так 179 сантиметров, ну а мнение расти не умеет.»

До репетиционной комнаты оставались считанные шаги.

И снова *мысли, похожие на разноцветные ленты*, начали развиваться по ветру. Митя представлял, как настраивает струны на гитаре, подключает микрофон, добавляет reverb-эффект, чтобы голос звучал чуть мягче и длиннее — как след самолёта в небе. Он видел барабанщика,

бьющего палками по инструменту — словно кнутом по лошади, чтобы та двигалась в заданном ритме. Митя рисовал в голове гитариста, клавишника, трубача, напоминающих ему руки человека, придающие краски картине. Вокалиста, который являлся головой или рупором группы. И конечно — басиста, который напоминал туловище, объединяющее все части тела музыкальной группы. Так гармонично замыкался круг, излучающий колебание волн. Всё было прекрасно в группе под названием «Мысли».

Но внутренний мир не всегда идёт в ногу с внешним. А когда эти два мира живут не в унисон, тогда они разбивают реальную жизнь на мелкие кусочки. Вероятно однажды они сольются в единый сосуд, но уже по-новому.

Дом, в котором репетировала группа, у которой не было названия, был старым и облезлым. Митя считал: название группы похоже на имя человека. Когда рождается ребёнок — ему дают имя, и с этим именем он проводит жизнь, и имя находит свой смысл. Бывает, что человек не приживается к своему имени и меняет его без всяких угрызений совести.

Войдя в дом, Митя почувствовал лёгкий холодок — влажный, подвальный, плохо пахнущий, но почти родной. Поднялся на пятый этаж. Сердце застучало чаще от ожидания встречи, появилась улыбка. Он вошёл в репетиционную комнату.

Первое, что отличало эту комнату от любой другой, — резкий, переплетающийся в одну устойчивую субстанцию запах. Он был настолько плох, что Гренуи из романа Патрика Зюскинда долго бы здесь не протянул. Митю же этот запах не смущал.

По обе стороны комнаты стояли огромные колонки, напоминающие чёрные шкафы. Из этих шкафов можно было снять с вешалки любую музыку — кожаные штаны, порванные джинсы, вязаные кофты, галстуки, выглаженные рубахи, розовые и даже свадебные платья.

Между колонок стояла старенькая, местами пробитая барабанная установка. Слева — басовый усилитель, справа — гитарный. Около гитарного пылился синтезатор, накрытый зелёным бархатом: он напоминал комнатное украшение, а не инструмент-посредник, передающий мысли музыканта в физическую форму.

На старом столике стояло множество открытых бутылок разных марок. Пиво, вино, водка, коньяк — опустошены совсем недавно. Окурки сигарет, будто разбросанные ураганом,

лежали и на столе, и вокруг стола. Всё говорило о том, что здесь происходил обмен важной информацией — на самые разные темы, а мотивировало этот бартер привычное поглощение напитков. Высоцкий пел из колонок «Я не люблю». Митя улыбнулся: «Кажется, в этой комнате должна была звучать именно эта песня.»

Митя сел на ободранное кресло, достал из гитарного чехла залежавшуюся пачку сигарет и медленно закурил. Выпуская дым тонкой струйкой, нашарил закупоренную бутылку пива у ножки стола — по-видимому, кто-то припрятал её на утро и забыл.

«Плохая память часто связана с определённым образом жизни. Поздно ложиться, не высыпаться и вдобавок употреблять горячительные напитки — верный путь к раздражительности и забывчивости.» Поставив на выдуманном диагнозе медицинскую печать, Митя сделал глоток тёплого пива.

В комнате было шумно. Кто-то громко смеялся, кто-то бренчал на гитаре. В середине комнаты кружилась девушка в белой, вязаной кофте. Может, это был танец древних шаманов, вызывающих духов. Может, брачный танец. Или просто — танец нетрезвой девушки, которая потеряла контроль, красуясь напротив зеркала. «В любом случае — ей хорошо», — подумал Митя.

«Так, момент, а я поздоровался? Ну да: с Колей обнялись, с Олей расцеловались три раза, остальным кивнул головой. Странно — и почему я это уже забыл?»

Оля была из тех людей, которых замечаешь не сразу — но потом удивляешься, как можно было не заметить. Она умела молчать так, что молчание не давило. Смеялась редко, но метко. И всегда знала, куда идти, даже когда все вокруг терялись.

Коля подсел к Мите на ручку кресла.

— Как дела, Митюха?
— Ок. Суббота.

Два слова объяснили всё самочувствие Мити и вызвали улыбку у собеседника.

— Как ты?
— Ничего. Пью уже со вчерашнего...

Что Коля пьёт со вчерашнего вечера, можно было угадать. Помятое лицо, высохшие губы, растрёпанные волосы и этот неизбежный запах — запах человека, который отвечал на замечания о внешности: «Пусть грязнули моются!»

— Митюха, а ты где вчера был?
«Ничего не помнит, ну или не хочет помнить» — подумал Митя.
— Я же говорил: пойду гулять в лес.
— Ах да. И чё там делал?

Этот вопрос улыбнул Митю: Коле было совершенно неинтересно, что именно. Он спрашивал из вежливости.

— Деревья валил! — сострил Митя.

На самом деле Митя часто ходил в лес. Один или с компанией это было не так важно. Главное — природа, лесной воздух и громкая тишина.

Громкой тишиной он называл тишину, в которой можно услышать отдельные звуки. Не искусственные — живые. Ветер. Птицы. Сухая ветка под ногой. Митя любил эти отдельные живые звуки так, как растаман слышит каждую ноту, как вдохновлённый фотограф улавливает кадр, как любящая мать наблюдает за первыми шагами своего ребёнка.

— Ну что, в следующую субботу играем в баре «Дядюшка Мокус», — сказал Коля.
— Ага. Крутяк.

Коля приподнялся, чуть покачнулся и пошёл в сторону девушки в белой кофточке, напевая: «Оля, Оля — три рубля и наша»

Ольга, конечно же, не обижалась на пьяного Колю. Они были давно знакомы, и она уже не удивлялась его словам и поступкам.

Звуки не стихали. Митя допил пиво, докурил вторую сигарету и почувствовал необходимость выйти на свежий воздух. На улице только что прошёл дождик, и из-за туч выглянуло солнце.

Сделав свои малые нужды под куст, и постояв ещё минут пять, он пошёл обратно в дом. Поднявшись на этаж, Митя не услышал привычных звуков. Ни хохота, ни пьяных разговоров, ни ненастроенных инструментов. В плохо освещённом коридоре зависла тишина. Он остановился — в тот же миг из комнаты начал доноситься стук.

Типичный, хорошо знакомый ему звук барабанной бочки. Ровный, глубокий, отчётливый. Две четверти.

Подойдя к двери, Митя отчётливо почувствовал, как хочет подключить гитару и начать играть что угодно — лишь бы под этот ритм. Настолько завораживающими были эти ритмичные звуки. Он взялся за ручку, потянул привычным движением — вниз и на себя. Вошёл и остолбенел.

Комната была пустой. В ней не было ни людей, ни инструментов. Как будто бы в ней не было даже воздуха. Но больше всего Митю удивило другое: звук барабана — он слышал именно отсюда.

«Поезд, которого нет, — снова подумал Митя. — Стук, которого быть не должно».

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Митя протёр глаза и выбежал — сначала из комнаты, потом из коридора, а затем из дома. В дверях подъезда он встретил Олю, дышавшую «свежим воздухом» — втягивая в себя сигаретный дым.

— Митя, что случилось? Ты куда так спешишь?!
— Там, там... это...!!!

Митя рассказал, что произошло. Оля немного испугалась — но не показала виду. Попросила проводить её в комнату: там остался её рюкзак.

На Митино утверждение о пустой комнате и странном, ритмичном стуке, Ольга пыталась не реагировать: Может он выпил, может просто шутит, думала она. Пока они поднимались на пятый этаж, у Оли появилась ещё одна версия.

— Митя, ты, наверное, не дошёл и свернул на четвёртом этаже. Коридоры на этажах похожи.
— Да, может, и так. Но откуда этот стук?!
— Не знаю. Почудилось.

Они поднялись на пятый этаж и услышали привычный шум. В комнате всё так же неприятно пахло, и Высоцкий пел из колонок — теперь уже что-то весёлое, дворовое. Митя взял свою гитару, окинул комнату недоверчивым взглядом — и вышел.

❖ ❖ ❖

Лес

❖ ❖ ❖

Митя и Оля вышли из дома и побрели по мокрому асфальту в сторону автобусной остановки.

— Н-да, ну и денёк выдался, — сказал Митя.
— Слушай, а ты не хочешь пойти в лес? У меня есть укромное местечко. Там очень тихо. Нервы успокоишь.

Митю удивило, что Оля бывает в лесу.

— Да, с огромным удовольствием! Я тоже хожу — гуляю, сижу на траве, читаю, но в основном пишу.
— Ну вот и отлично. Тогда наш тридцать шестой — он как раз довезёт туда, куда мы хотим.

Дорога к лесу показалась быстрой и совсем не скучной. В автобусе было душно и тесно. Они стояли у заднего окна — Оля держалась за поручень, Митя — за воздух и надежду не упасть при торможении автобуса. За стеклом проплывали дома, магазины, заправки, потом первые лесные деревья. Город закончился резко, как фраза, которую не успели договорить. Друзья делились всем, что волновало их на этом отрезке жизни — говорили о будущем, о мечтах, о смысле, которого часто не находили.

Они вышли на конечной остановке.
— Нам сюда! — сказала Оля, указывая на тропинку рукой.

Они шли двадцать семь минут вглубь леса. За это время тропа закончилась, потемнело, и ни один из них не сказал ни слова. «Всё-таки, когда два человека могут молчать, не напрягаясь — как в лифте, значит, они на одной волне и им будет о чём поговорить», — подумал Митя. С каждым шагом он чувствовал особую лёгкость, ощущение свободы.

— Пришли, — тихим голосом сказала Оля.

Митя остановился, огляделся и понял: они стоят в центре небольшой круглой полянки. Высокие сосны окружали их со всех сторон, и небо казалось так близко, что до него можно было дотронуться.

— Митя, садись.

Расстелив кофты на траве, они сели и подняли головы наверх к небу.

— Красиво, — прошептала Оля.

Митя ничего не ответил — только набрал побольше воздуха, задержал его в себе. Потом медленно выдохнул. Повернулся к Оле, которая уже смотрела на него. Была секунда тишины — маленькая, весомая, как пауза перед последним аккордом. Закрыв глаза, они прикоснулись друг к другу руками.

В этот миг Митя почувствовал, как *разноцветные ленты мыслей* привязываются к стоящим вокруг деревьям, обволакивают его и девушку — и бережно поднимают их обоих к звёздному небу.

А ещё — он опять услышал этот стук.

Тот самый стук. Который звучал в туннеле. Который доносился из пустой комнаты.

Но теперь Митя знал, откуда звук берёт своё начало.

Это билось его сердце.
Тук-тук, тук-тук, тук-тук…

Митя ощущал мгновение, наполненное: спокойствием, лёгкостью, свободой, и как следствие, счастьем.

Друзья просидели держась за руки ещё несколько минут. За это время Митя безмолвно задал себе вопросы — и получил на них ответы. Он не мешал ходу событий, а только выбирал путь. Мир стал яснее, когда он услышал себя.

❧

А ветер дул и листья падали...

❧